

**ВОСПРИЯТИЕ ДОСТОЕВСКОГО ПИСАТЕЛЯМИ
И СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯМИ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ**

«Наша родословная сознания написана на разных языках всеми цивилизациями, оставившими письменные памятники. Мы все породнились, собравшись большой международной семьей у очага Книги, Библиотеки, Архива». Это слова Джима Е. Трауэ, главного хранителя библиотеки Тернбулла, являющейся частью Национальной библиотеки Новой Зеландии. В своем очерке «Ancestors of the Mind. A Pakeha Whakapapa» («Пра-родители мысли»)¹, он озвучил стойкое убеждение сообщества новозеландцев в том, что основоположники нашей многообразной культуры пришли к нам из самых разных национальностей и стран; в том числе ими являются Л. Н. Толстой и Достоевский — такие же «наши прародители», как В. Шекспир и другие классики английской литературы. Эта стойкая убежденность находит отражение в интересе, который вызывает творчество Достоевского в Новой Зеландии с тех пор, как в конце XIX в. стали доступны переводы его произведений на английский и французский языки.

В данной статье тема «Достоевский и Новая Зеландия» будет рассмотрена в двух аспектах. Это литературный процесс в Новой Зеландии, многим обязанный Достоевскому. А также продуктивный интерес к работам Достоевского со стороны христианских теологов и священнослужителей.

Несколько замечаний на тему истории национальной культуры. 1000 лет назад Новая Зеландия еще была необитаемой. Первыми ее поселенцами были полинезийцы (маори); первые европейцы, в основном британского происхождения, появились здесь в начале 1800-х гг. Упорядоченное заселение страны началось после заключения в 1840 г. Договора Вайтанги (Treaty of Waitangi) между племенами маори и официальными представителями Великобритании, что дало толчок распространению европейских моделей образования и форм искусства. Сочинения Достоевского, переведенные на английский язык, в издании Х.Р. Визетелли и Лонгмана стали доступны в Новой Зеландии начиная с 1880-х гг. Это «Записки из Мертвого дома» (1881), «Преступление и наказание» (1886),

¹ Traue J. Ancestors of the Mind. A Pakeha Whakapapa. Wellington, 1989.

«Униженные и оскорбленные» (1887), «Идиот» (1887), «Игрок» и «Село Степанчиково и его обитатели» (1887), «Дядюшкин сон» и «Вечный муж» (1888). Библиотека Генеральной Ассамблеи при парламенте Новой Зеландии (Веллингтон) приобрела экземпляр «Преступления и наказания» Достоевского в начале 1895 г.²

В читальном зале этой библиотеки провела многие часы первая новозеландская писательница, получившая мировую известность, — Кэтрин Мэнсфилд (1888–1923)³. Она обращается к имени Достоевского в ранней, незаконченной пьесе «Toots» («Пароход в Гавани»), действие которой происходит в Веллингтоне в 1907–1908⁴. В те же годы, очевидно, прочитав роман «Униженные и оскорбленные», она пишет в своем дневнике: «Мои мысли — как русский роман»⁵.

Кэтрин Мэнсфилд Бичем родилась совсем неподалеку от этой библиотеки, в маленьком деревянном доме на улице Тинакори-роуд, который сейчас отреставрирован и привлекает многочисленных туристов. Мэнсфилд стала одним из выдающихся мастеров короткого рассказа XX в. Три сборника ее рассказов были изданы при жизни: «In a German Pension» («В немецком пансионе», 1911), «Bliss and Other Stories» («„Блаженство“ и другие рассказы», 1920), «The Garden Party and Other Stories» («„Пикник“ и другие рассказы», 1922). Еще два сборника появились через несколько месяцев после смерти писательницы (она скончалась от туберкулеза 9 января 1923 г. в Фонтенбло, Франция) — «The Dove's Nest» («Гнездо голубки», 1923) и «Something Childish and Other Stories» («„Что-то детское“ и другие рассказы», 1923). Кэтрин Мэнсфилд принадлежит к литературному авангарду XX в., как и ее современники Джеймс Джойс и Вирджиния Вулф, чьи инновации в 1920-е и 1930-е гг. свидетельствовали о шагах в сторону эстетики модернизма. В то же время, как очевидно из писем и дневниковых записей Мэнсфилд, ее творческий почерк формировался под влиянием произведений Достоевского. Еще в отрочестве Кэтрин Мэнсфилд стала верной поклонницей Достоевского и, как следствие, русской литературы в целом. Многие аспекты изображения жизни русскими писателями вызвали в ней положительный отклик, она открыла для себя Толстого и Чехова, однако Достоевский занимал особое место в ее душе и творчестве⁶. «Что же это такое? Почему я так воспринимаю Достоевского? Он — мой

² Zohrab I. Review of *The Collected Letters of Katherine Mansfield*, edited by Vincent O'Sullivan and Margaret Scott. Vol. I. 1903–1917; Vol. II. 1918–1919; Oxford University Press, 1984 and 1987 // *New Zealand Slavonic Journal*. 1988. Part II. P. 129–135.

³ O'Sullivan V., Scott M. (eds.) *The Collected Letters of Katherine Mansfield*. Oxford, 1984. Vol. I. P. 47.

⁴ Mansfield K. *Dramatic Sketches*. Palmerston North, 1988. P. 27.

⁵ Scott M. *The Katherine Mansfield Notebooks*. Palmerston North, 1977. Vol. I. P. 104.

⁶ Zohrab I. Katherine Mansfield's previously unknown publications on Katherine Mansfield // *Journal of New Zealand Literature*. 1988. N 6. P. 137–156; Zohrab II. Кэтрин Мэнсфилд о «Вишневом саде» // *Вопросы литературы*. 1993. Вып. 2. С. 335–338.

Достоевский, и ничей больше. Это существо не от мира сего, человек, который любил, несмотря ни на что, — обожал — ЖИЗНЬ, хотя и знал, что такое тьма»⁷.

Мэнсфилд верила, что писатели в своем творчестве «поглощают друг друга, когда любят»⁸, и ввела термин «nourish» (питать) для описания этого процесса. Нет сомнения в том, что она «питалась» художественными достижениями трех великих русских писателей — Достоевского, Толстого и Чехова. Она пишет: «Вы знаете, какое чувство вызывает у вас великий писатель: „Моя душа окрепла и посвежела, она впитала что-то новое“». Развивая мысль о том, кто населяет «Дом литературы», «принимает участие в потоке текущей жизни», она приходит к выводу: «Да, но кто имеет право на жизнь в нашем понимании жизни? Достоевский, Чехов и Толстой. Больше я никого не знаю»⁹.

На раннем этапе своей литературной карьеры Кэтрин Мэнсфилд опубликовала большое количество рассказов в альманахах, журналах и газетах. Несколько ее ранних рассказов содержат русскую тематику, а их персонажи носят имена, напоминающие о героях Достоевского. Некоторые рассказы представляют собой попури в русском и псевдорусском стиле: например, «Green Goggles» («Зеленые очки»), «Brave Love» («Смелая любовь») и «Tales of a Courtyard» («Дворовые повести»). Герой последнего из названных произведений обращается к преступному миру, жизни «на дне», что созвучно некоторым персонажам Достоевского. Позднее Мэнсфилд рецензировала работы Достоевского и в соавторстве с С. С. Котелянским, эмигрировавшим в Лондон из Украины, участвовала в работе над новым переводом писем Достоевского, его «Дневника писателя» и отрывков из комментария к «Бесам»¹⁰. Таким образом, Кэтрин Мэнсфилд изучала творчество Достоевского и пыталась постичь его литературные приемы.

Будущий муж Мэнсфилд, английский критик Джон Мидлтон Мерри (1889–1957) написал одну из первых монографий, посвященных Достоевскому — «Dostoevsky: A Critical Study» («Достоевский: критическое исследование»), которая была опубликована в 1916 г.¹¹ Эта монография до сих пор считается одним из самых своеобразных исследований творчества Достоевского. Маррей называл эту книгу «наш Достоевский»: Кэтрин Мэнсфилд тоже внесла вклад в ее написание, когда супруги жили вместе в Бандоле, во Франции, и даже работали вместе за одним столом. Дневниковые записи, сделанные Мэнсфилд в марте 1916 г., включают несколько страниц подробных заметок о двух романах Достоевского — «Идиот» и «Бесы» в переводе Констанции Гарнетт, —

⁷ The Collected Letters of Katherine Mansfield. Oxford, 1996. Vol. 3. P. 67.

⁸ The Collected Letters of Katherine Mansfield. Oxford, 2008. Vol. 5. P. 223.

⁹ Ibid.

¹⁰ Впервые опубликовано А. Г. Достоевской (Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского. Изд. 6-е. СПб., 1904–1906. Т. 8. С. 597–616). См. об этом: 12, 326–327.

¹¹ Murry M. Dostoevsky: A Critical Study. London, 1916.

которые она читала и перечитывала. До этого, очевидно, перечитывая в 1914 г. «Преступление и наказание», она вынесла безжалостный приговор: «Очень плохо; думаю, что это слишком»¹². Позднее, когда работа Мерри над книгой о Достоевском близилась к завершению, они вместе с супругами Лоуренс арендовали соседние коттеджи в Корнуэлле (Англия). Там они проводили много времени в интеллектуальных дискуссиях о Достоевском и его писательских приемах, что оказало влияние и на их собственные произведения и на их взаимоотношения.

На подсознательном уровне Мэнсфилд отождествляла себя с персонажами Достоевского. В 1915 г., во время Первой мировой войны, погиб ее младший брат Лесли, и Кэтрин Мэнсфилд увидела во сне старца Зосиму из «Братьев Карамазовых», о чем рассказала в своем дневнике¹³. Старец Зосима говорит ей: «Не позволяй умереть этому новому человеку». Проснувшись, Кэтрин Мэнсфилд снова видит брата Лесли: он является ей в образе звездного неба, напоминая об известном эпизоде с мистическим озарением Алеши Карамазова после смерти старца Зосимы. Затем его образ видится ей повсюду, на каждом квадратном дюйме Земли: «Куда я ни посмотрю — всюду он. Мне кажется, это Божья воля мне видеть его». Однако, молиться у нее нет сил: «Благодать покинула меня»¹⁴.

В этот период, вдохновленная Достоевским, она серьезно принимается писать сама. Она начинает работу над «The Aloe» («Алоэ», 1930) — первой попыткой полнометражного романа, основанного на событиях ее детства, проведенного в Новой Зеландии. В предисловии к полному сборнику рассказов Мэнсфилд (1937) Дж. М. Мерри писал об ее возвращении назад к раннему детству — времени «свободному, и не отравленному индустриальной цивилизацией, породившей войну». Это позволило ей исследовать психологию своих героев, провести параллели между их прошлым и настоящим, «выявить причины антагонизма, союзничества и зависти, раздирающих семьи и общество»¹⁵. Первая значительная повесть Мэнсфилд «Je ne parle pas français» («Я не говорю по-французски», 1918) была написана под общепризнанным влиянием «Записок из подполья» Достоевского. Позднее Мэнсфилд попыталась перенять у русского писателя художественный прием «полифонии», позволяющий автору видеть реальность одновременно с нескольких точек зрения. В зрелой период своего творчества Мэнсфилд отказывается от нейтрального повествователя и более сосредоточивается на внутреннем мире персонажа, чем на развитии фабульной канвы.

¹² The Katherine Mansfield Notebooks. Lincoln University Press, 1997. Vol. 2. P. 8. Эта заметка пропущена Дж. М. Мерри в его издании «Записок» Мэнсфилд.

¹³ Murry M. The Journal of Katherine Mansfield. London, 1962. P. 95.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Повесть была переработана и опубликована под названием «Prelude» («Прелюдия», 1918).

В выпуске «Атенеума» от 28 ноября 1919 г. Кэтрин Мэнсфилд опубликовала рецензию на ряд переводов произведений Достоевского, выполненных Констанцией Гарнетт («Честный вор» и другие рассказы). В книгу вошли — наряду с «Честным вором» — «Дядюшкин сон», «Роман в девяти письмах», «Скверный анекдот», «Чужая жена и муж под кроватью», «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Крокодил», «Бобок» и «Сон смешного человека»¹⁶. В этой рецензии содержится высокая оценка творчества русского писателя.

По мнению Мэнсфилд, Достоевскому «более, чем любому другому писателю, удалось установить отношение взаимного доверия с читателем, ощущение откровенности („sharing“). Мы даже не замечаем, что он пишет для нас или про нас. Когда мы читаем, мы превращаемся в детей, слушающих сказку. Непостижимым образом мы догадываемся, что должно произойти, и всё же удивляемся; мы как будто уже слышали эту сказку и в то же время ловим каждое слово, как в первый раз. И когда сказка заканчивается, она становится нашей. Это особенно характерно для Достоевского, чье присутствие незаметно, — по-детски искренний, обыденный Достоевский, который написал рассказы „Честный Вор“, „Мужик Марей“ и „Сон смешного человека“. Каждому из этих трех замечательных рассказов присуще ощущение, что все замерло и затихло, — ощущение, от которого дух захватывает. Чем они близки современному читателю? Откровенным трагизмом любви»¹⁷. Мэнсфилд воспринимает Достоевского как одного из самых честных писателей, кто никогда не лжет: «Зачем верить тем, кто лжет? Всюду все врут, все до единого. Не знаю, зачем это вранье, но так оно и есть. По крайней мере, Достоевский видит всё насквозь»¹⁸.

Страдая от тяжелой болезни, Мэнсфилд ищет в Достоевском духовную опору. В Париже она сближается с русскими эмигрантами — Д. Мережковским, З. Гиппиус, И. Буниным, поселяется в Институте гармоничного развития человека, основанном в Фонтенбло Г.И. Гурджиевым (1877–1949) при поддержке П.Д. Успенского (1878–1947). В этом проявилось ее неистовое стремление постичь не только сущность мира Достоевского, но и самую суть искусства.

Находясь в Европе, Мэнсфилд оставалась новозеландским писателем, и эта «колониальная перспектива» помогла ей избежать ошибок, свойственных британским писателям-модернистам. Некоторые из них видели в Достоевском «чудовище», которое соединяет в одно целое «Бога и садизм» (Д.Г. Лоуренс)¹⁹, называли его писателем, который произвел на свет «уродливых чудовищ, каких свет не видел»

¹⁶ *Mansfield K. Honest Thief and Other Stories // The Athenaeum. 1919. November 28.*

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *The Collected Letters of Katherine Mansfield. Oxford, 1996. Vol. 3. P. 66.*

¹⁹ *Lawrence D.H. Letters of D.H. Lawrence / Ed. James T. Boulton et al. 8 vols. Cambridge. Vol. 2. P. 521.*

(В. Вулф)²⁰. Слова «лохматые, жирные страшилища»²¹, использованные Генри Джеймсом при описании романов XIX в., явно намекали на произведения Достоевского.

В этом смысле Мэнсфилд можно назвать единственным писателем-модернистом, относившимся к русскому романисту с сочувствием и восхищением. Для британского общества, в отличие от колонистов, Достоевский и его «чудовищные эксцессы» были, скорее, неприятным феноменом, который следует пережить и забыть: его творчество не соответствовало привычным литературным и культурным традициям. Мэнсфилд постигла судьба, в чем-то напоминающая о Достоевском: ее творчество было неправильно истолковано и отброшено как несоответствующее общепринятым канонам английского модернизма. Присутствие в ее рассказах жестокости и страданий шокировало британских критиков; как и Достоевскому, ей ставили в вину описание насилия и «отрицательных» сторон жизни. Вирджиния Вулф подвергла критике рассказы Мэнсфилд за отражение в них «черствости и бессердечности ее человеческой сущности»²². Другие считали Мэнсфилд «поистине ужасающей»²³.

В. С. Пritchett относил «циничный нигилизм» Мэнсфилд на счет той обстановки, с которой она познакомилась в детстве, живя в Новой Зеландии, тем самым признавая ее неизбежной жертвой становления «общества первых поселенцев, не имеющих корней»²⁴. Обсуждая один из рассказов Мэнсфилд, он выступает в поддержку мнения Франка О'Коннора, который говорит о том, что жанр короткого рассказа расцвел, по выражению последнего, в «анархическом» обществе, где ослаблены социальные связи и размыты традиционные представления о предназначении культуры²⁵.

В ходе работы над данной статьей я слышала от многих новозеландских писателей, литературных критиков и редакторов мнение, что все подающие надежду писатели Новой Зеландии читали хотя бы некоторые из книг Достоевского и многое почерпнули из них. В качестве примера можно упомянуть Фрэнка Сарджесона (1903–1982) — выдающегося мастера короткого рассказа, который вместе с Кэтрин Мэнсфилд заявил миру о существовании новозеландской литературы. Его считают одним из ее родоначальников. Ф. Сарджесон — автор таких романов, как «That Summer» («Тем летом») и «Joy of the Worm» («Восторг червяка»), а также многочисленных коротких рассказов.

²⁰ Woolf V. Books and Portraits / Ed. Mary Lyon. New York, 1978. P. 116. Впервые опубликовано без подписи в «Times Literary Supplement» 22 февраля 1917 г.

²¹ James H. Literary Criticism. New York, 1984. Vol. 1. P. 107–108.

²² Woolf V. The Diary of Virginia Woolf. 5 Vols. New York. 1977–1984. Vol. 2. P. 179.

²³ Drabble M. The New Woman of the Twenties: Fifty Years On // Harpers and Queen. 1973. June. P. 106–107, 135.

²⁴ Pritchett V. S. Review of Collected Stories of Katherine Mansfield. London, 1945 // The New Statesman and Nation. 1946. February 2. P. 87.

²⁵ The Oxford Book of short stories / Ed. V. S. Pritchett. Oxford, 1981. P. XIII.

Недавно была опубликована коллекция писем Сарджесона 1927–1981 гг., в которых он часто с восхищением отзывался о Достоевском²⁶. Сарджесон считается литературным учителем многих молодых писателей Новой Зеландии, в том числе Дэвида Баллантайна, Джона Риса Коула, А. П. Гаскел, Мориса Даггана, Мориса Джи, Билла Пирсона и Дженет Фрейм. В письме новозеландскому поэту Денису Глоуверу, написанному в августе 1937 г., Сарджесон поясняет, что все его друзья-литераторы в Окленде являются поклонниками Достоевского: «Мы все здесь достоевцы — Мэйсон, Крессвелл, Робин Хайд, я сам и даже Фейрберн...»²⁷ Он пишет, что Достоевскому принадлежит «последнее слово в описании человеческой сущности на многие годы вперед»²⁸. В другом письме вспоминает, как в возрасте 22 лет он открыл для себя Достоевского. Обсуждая собственные работы, Сарджесон замечает: «Я бился головой о стену над страницей 103 моей рукописи, пытаясь вывести все условные элементы, и вдруг я взял в руки „Сон смешного человека“ Достоевского. И сразу увидел там то, что искал»²⁹.

В 1944 г. Сарджесон пишет о Прусте: «...Мне он очень нравится, главное, я думаю, потому что только Достоевский превзошел его по глубине знаний психологии...»³⁰ В осмыслении мотивов человеческих эмоций он обращается к Достоевскому. В 1945 г. он пишет, что перечитал «Дон Кихота»: «...И ничто не сравнится с этой книгой, разве что „Гамлет“ и „Лир“, и последние 4 квартета Бетховена, и может быть, кое-что из Достоевского». В письме 1974 г. он говорит, что читатели «были бы лишены многого, если бы мы, к примеру, не читали Толстого или Достоевского, или Генри Филдинга...»³¹

Роман «Преступление и наказание» оказал сильное влияние на новозеландского писателя Дэна Дейвина (1913–1990), который родился и вырос в семье ирландских католиков в регионе Саутленд, на юге Новой Зеландии. Он писал о Новой Зеландии, хотя большую часть жизни провел в Оксфорде, где работал в издательстве Оксфордского университета. Его первый роман «Cliff of Fall» («Крутой обрыв»), написанный в 1940 г. и опубликованный в 1945 г., представляет собой «мрачное повествование о страстях Данидена». По словам литературного критика Лоуренса Джонса, влияние «Преступления и наказания» Достоевского «ощущается на каждой странице, но как бы незримо»³². Марк Берк («Раскольников» Дэна Дейвина) — студент университета Отаго. Марк полагает, что, убив свою беременную подругу Марту, он не только

²⁶ Letters of Frank Sargeson / Ed. Sarah Shieff. Auckland, 2012.

²⁷ Ibid. P. 14.

²⁸ Ibid. P. 59.

²⁹ Ibid. P. 74.

³⁰ Ibid. P. 83.

³¹ Ibid. P. 525.

³² Jones L. Strange Conjunction: Three Russian Episodes in New Zealand Fiction // New Zealand Slavonic Journal. 1996. N 30. P. 45–52.

устранит препятствие на пути реализации своих социальных амбиций, но и освободится от подавляющих его независимость традиционных норм поведения, освободится от оков дихотомии добра и зла, окажется на «вершине, у подножия которой раскинулись долины добра и зла с их духотой»³³. Марк Берк, как и Раскольников, встречается на жизненном пути замечательных людей, и эти встречи «наполнены глубиной, серьезностью, философским содержанием и выразительностью, не наблюдавшейся ранее в литературе Новой Зеландии». Концовка «Крутого обрыва» значительно отличается от финала «Преступления и наказания». Раскаianie не пришло к Марку Берку. Пока развивается противоборство внутренних голосов Марка (прием двойничества, заимствованный у Достоевского), Дейвин толкает своего героя на отчаянный шаг: он разбивается насмерть, падая с обрыва в Сэнт Клере.

Влияние Достоевского очевидно и в творчестве выдающегося писателя Мориса Шэдболта (1932–2004). Его вклад в литературу Новой Зеландии, по мнению многих, сопоставим с достижениями австралийских писателей Патрика Уайта и Джона Максвелла Кутзее (Кутзее переехал в Австралию из Южной Африки в 2007 г.) — обладателей Нобелевской премии. Все три вышеупомянутых писателя обращались к похожему тематике и были почитателями таланта Достоевского, у которого многому учились.

Новозеландец в четвертом поколении, Морис Шэдболт провел большую часть детства в маленьком провинциальном городке Те Куити (регион Вайкато), в те времена отыскать в школьной библиотеке книгу новозеландского автора было сродни поиску «запретного плода». Позже Шэдболт описывает Те Куити как поселение «наблюдателей за поездами», где единственным развлечением, доступным жителям, было поглазеть на Веллингтонский экспресс, сходить в кино и снова идти смотреть на мчащиеся мимо поезда. Шэдболт поступил в университет Окленда, затем благополучно провалил экзамены и примкнул к студенческому движению левого крыла, реорганизовав клуб лейбористов в клуб социалистов. Литературную карьеру он начал провинциальным журналистом, позднее писал сценарии для студии документальных фильмов. Действие его документальной и художественной прозы происходит на родной земле, свою страну Шэдболт описывает как «последний рубеж человеческой расы, утерянный рай».

В июне 1957 г. Шэдболт отправился в длительное путешествие по странам и континентам в поисках творческого вдохновения и вернулся в Новую Зеландию лишь в 1960 г. Впоследствии он написал получившие известность романы «The Lovelock Version» («Версия братьев Лавлок», 1980), «Strangers and Journeys» («Незнакомцы и скитания», 1972), фотоальбомы «New Zealand: Gift of the Sea» («Новая Зеландия: Дар моря») и романы, составившие трилогию, действие в них

³³ Ibid. P. 50.

происходит во время новозеландских войн 1845–1872 гг.: «Season of the Jew» («Время еврея», 1987), «Monday's Warriors» («Воины понедельника», 1990) и «The House of Strife» («Дом раздора», 1993). Также были опубликованы сборники его коротких рассказов, включая «The New Zealanders» («Новозеландцы», 1959) и «Summer Fires and Winter Country» («Летние пожары и страна Зимы», 1963), представляющие собой портрет поколения. Запоминающийся рассказ «Ben's Land» («Земля Бена») из последнего сборника основан на истории собственной семьи писателя и содержит материал, который позже будет переработан в роман «Among the Cinders» («Как на углях», 1965). В дальнейшем семейная тема получила развитие в романе «The Lovelock Version» («Версия братьев Лавлок») и в автобиографической работе «One of Ben's: A New Zealand Medley» («Один из Клана Бена: такие разные новозеландцы», 1993), в которой писатель прослеживает историю нации на примере одной семьи, мастерски переплетая притчи и легенды семьи Шэдболтов с постколониальным литературным фольклором новозеландцев европейского происхождения.

Результатом первого путешествия Шэдболта через Пекин в Москву и страны Восточной Европы стало его полное разочарование в идеях коммунизма. Однако он не перестал восхищаться русской литературой. Россия и Советский Союз продолжали быть для него «лицетворением земли Толстого, Достоевского и Чехова»³⁴. В воспоминаниях о путешествии по России Шэдболт сопоставляет убежденность советских писателей, находящихся в трудных жизненных и политических условиях, в необходимости развития национальной культуры — со стремлением ряда новозеландских писателей развивать литературу, которая отвечала бы потребностям нации³⁵. Шэдболт считал русскую литературу достойным примером для подражания, подчеркивая огромное значение развития национальной литературы как в России, так и в Новой Зеландии.

В интервью, которое Шэдболт дал в начале своей писательской деятельности, он отметил, что Достоевский оказал большое влияние на его творчество и был одним из его любимых писателей, наряду с Фолкнером и Тургеневым. «Как и упомянутые писатели, Шэдболт сосредоточивает внимание на перипетиях человеческого существования в условиях своего отечества. Однако, чтобы постичь особенности менталитета народа родной страны, ему пришлось на время покинуть ее»³⁶. В работах Шэдболта прослеживается убеждение, что новозеландцы должны в условиях постколониального развития, опираясь на народные традиции, создавать и укреплять национальную культуру.

³⁴ *Shadbolt M.* China, Russia, Bulgaria: A Journey // *Landfall*. 1958. N 12 (2). P. 127.

³⁵ *Eaton O., Edmond J.* Russia in Landfall under Charles Brash // *New Zealand Slavonic Journal*. 2007. Vol. 41. P. 180–193.

³⁶ *Esam (Zohrab) I.* A candid Portrait of a successful writer. *The Dominion*. 1962. May 2. P. 9.

Как и у Достоевского, одним из направлений литературной деятельности Шэдболта была журналистика, в которой он зачастую черпал вдохновение для художественного творчества. Полная напряжения «Danger Zone» («Опасная зона», 1976) основана на реальных событиях, приведших к акции протеста против испытания Францией водородной бомбы в бассейне Тихого океана, участником которых был он сам. Работы Шэдболта, посвященные участию Новой Зеландии в Первой мировой войне, в частности, сражениям на полуострове Галлиполи и у Чунук-Баира, созвучны публицистике Достоевского о русско-турецкой войне. Неподдельный интерес Шэдболта к тем военным действиям нашел отражение в единственной опубликованной пьесе «Once on Chunuk Bair» («Однажды у Чунук-Баира», 1982) и в его более поздней публицистической работе «Voices of Gallipoli» («Голоса Галлиполи», 1988). Он подвергает резкой критике работу британского штаба, в частности, некоторые решения британского руководства, приведшие к крупным потерям личного состава новозеландского военного контингента. Сражение показано в пьесе как событие исторического значения, послужившее отправной точкой в становлении независимого духа постколониальной индивидуальности нации. Документальный фильм «Gallipoli: The New Story» («Галлиполи: новая история»), постоянно демонстрирующийся в Национальном музее армии в Вайору, основан на работах Шэдболта.

Шэдболт, как и Достоевский в «Подростке», с удовольствием погружается в мир молодого человека. Примером может служить первый роман Шэдболта «Among the Cinders» («Как на углях»), рассказывающий о юноше, запутавшемся в жизненных обстоятельствах, и затрагивающий непростые взаимоотношения между маори и белыми европейцами (Pakehas); это противоречие весьма похоже на культурное противостояние крестьян и дворянского сословия в России XIX в. Задуманный как сатира на современную новозеландскую литературу, роман исследует историю Новой Зеландии со времени первых поселенцев до 1950-х гг., но показывает ее через взаимоотношения подростка Ника Флиндерса и его деда Хьюберта. По мнению критиков, Шэдболт овладел искусством изображения взаимосвязи прошлого и настоящего, которое он последовательно развивал в своем дальнейшем творчестве.

Уже в ранних художественных произведениях Шэдболта прослеживается влияние Достоевского. В них он обратился к социальной истории Новой Зеландии первой половины XX в., эта тема достигла кульминации в «Strangers and Journeys» («Незнакомцы и скитания»). Объемный и весьма амбициозный роман, на создание которого ушло десять лет, представляет собой монументальную семейную сагу, во многом обязанную своим существованием русской литературе. Здесь очевидно влияние не только Достоевского, но и Пастернака: «Я четыре раза читал „Доктора Живаго“ и три раза рецензировал его в периодике Великобритании, Австралии и Новой Зеландии... Я перечитал „Доктора Живаго“ в пятый раз. И лишь убедился в своем впечатлении.

„Незнакомцы и скитания“³⁷, изданные десяток лет спустя — это мое коленипреклонение перед Пастернаком»³⁷. В романе «Незнакомцы и скитания» противопоставляются судьбы двух отцов и их сыновей и перекликаются многие темы и герои ранних произведений Шэдболта. Первые главы, описывающие жизнь каждого из отцов в противостоянии природе и экономическим трудностям, по общему признанию, наиболее впечатляют. По мере развития сюжета и перехода к настоящему времени, к городскому укладу и жизни сыновей, роман заметно слабеет³⁸. «Незнакомцы и скитания» завершили для Шэдболта определенный этап творчества, после чего он обратился к проблемам современной жизни в Новой Зеландии и роли художника, а затем переключился на колониальную историю.

В период работы над получившим признание романом «The Lovelock Version» («Версия братьев Лавлок»), в 1980 г., Морис Шэдболт пишет Мэрилин Дакверт, близкому другу и бывшей возлюбленной, о своем романе: «Он наполнен до краев характерами, ситуациями, смехом и слезами. Я не испытываю иллюзий насчет того, что мое место наверху, рядом с Достоевским, но я на порядок или два выше любого писателя двадцатого века. Можете считать меня скромным хвастуном. Мой редактор в Лондоне считает, что никто не сравнится по силе страстей с этим романом»³⁹.

«Версия братьев Лавлок» считается самым утонченным романом Шэдболта, в нем прослеживается связь с историей XIX в. Подобно «Братьям Карамазовым», роман повествует о судьбах трех братьев и их семей, действие происходит в период первых поселений, показаны ранние этапы истории Новой Зеландии. Критики отмечали искусное сочетание в романе мистического и реалистического начал. Мы знакомимся с семьей Лавлок на золотых приисках Отаго. Однажды вечером глава семьи выходит на свежий воздух выкурить трубку и ему является ангел, между ними завязывается разговор. Во время беседы ангел как будто забывает слова и все время подглядывает в текст. Диалог между скептиком Германом и забывчивым ангелом считается одной из самых удачных комических сцен в литературе Новой Зеландии. Герман не понимает, почему именно ему был выдан билет в какую-то трансцендентную лотерею. День появления ангела, «раздражительного старого чиновника с крыльями», отмечает перелом в жизни Германа: теперь ему нужно построить свою жизнь таким образом, чтобы она содержала хотя бы немного благодати (grace). В дальнейшем Герман ощущает себя Спасителем и вместе с семьей основывает поселение на Северном острове. История семьи прослеживается вплоть до конца 1970-х гг., ос-

³⁷ Shadbolt M. One of Ben's. A New Zealand Medley. Auckland, 1993. P. 283.

³⁸ Jones L. Maurice Shadbolt: a brief overview // Barbed Wire and Mirrors: Essays on New Zealand Prose. Dunedin, 1990.

³⁹ Сообщено автору данной статьи писательницей Мэрилин Дакверт в декабре 2012 г.

вещая перипетии индустриальной революции 1910-х гг., Первой мировой войны и сражения на полуострове Галлиполи.

В финале «Версии Братьев Лавлок» Шедболт задается мыслью: «Право же, человеческое существование представляет собой нечто большее, чем перечень событий». В заключение он приходит к выводу: «С другой стороны, жизнь может быть истолкована, как подрывающая Божество. Искусство может считаться поводом к оправданию, но как всегда несовершенным. Однако все еще возникает вопрос, и он должен быть задан. Кто, как не Он, держит ключ к открытию измерения глубин Лавлоков этой жизни? Кто?»⁴⁰

Всего Шэдболт написал 11 романов, четыре сборника коротких рассказов, две автобиографии, исторический труд о войне, сборник журналистики, пьесу и сценарий для фильма. Тот факт, что почти все книги Шэдболта продолжают печататься, свидетельствует о неувядающем интересе к его творчеству со стороны читающей публики. Шэдболт удостоен самых высоких правительственных наград за вклад в литературу. Он вынужден был прекратить свою писательскую деятельность в конце 1990-х гг. в связи с развитием болезни Альцгеймера, которая привела его к смерти в возрасте 72 лет.

Влияние Достоевского отмечается и в творчестве писателя Рональда Хью Моррисона (1922–1972), который родился в маленьком городке Хавера в провинции Таранаки на Северном острове и был автором романов и коротких рассказов, написанных на наречии Новой Зеландии. Он всю жизнь прожил в Хавера в доме своего деда, и этот городок под разными названиями присутствует в его романах. Моррисон зарабатывал на жизнь как учитель музыки и аккомпанировал танцевальным коллективам Таранаки. Он пристрастился к алкоголю, что привело к его преждевременной кончине. Он автор четырех романов: «The Scarecrow» («Пугало», 1963), «Came a Hot Friday» («Жаркий день, пятница», 1964), «Predicament» («Неприятность», 1975), «Pallet on the Floor» («Ложка на полу», 1976), все они стали основой для киносценариев.

Моррисон не без труда публиковал свои произведения. Он жаловался Шэдболту в начале 1972 г.: «Надеюсь, я не стану еще одним несчастным, талант которого будет признан после смерти»⁴¹. К сожалению, именно эта участь его и постигла: он умер неизвестным в своем родном городке за несколько лет до того, как его романы были с успехом экранизированы в 1980-е гг. Дом Моррисона был снесен, а на его месте построен ресторан «Кентукки Фрайд Чикен», несмотря на протесты почитателей его таланта.

Главный герой романа «Неприятность» — 15-летний Седрик Вильямсон, ребенок, который чувствует себя одиноким, переживая трудности

⁴⁰ *Shadbolt M.* The Lovelock Version. London; Auckland; Sydney; Toronto, 1980. P. 568.

⁴¹ *Morrison R. H.* The Oxford Companion to New Zealand Literature / Eds. Roger Robinson and Nelson Wattie. Oxford, 1998. P. 380.

взросления. Действие происходит в небольшом безымянном новозеландском городке в 1935–1936 гг. Его высокие жизненные идеалы не соответствуют нравам коррумпированного общества, и Седрику предстоит найти способ выдержать эти испытания. «Неприятность» написана с намеком на детективный роман. То что Моррисон многим обязан Достоевскому, отметил критик Иэн Ричардс: по его мнению, статус повествователя в «Неприятности» «походит на более осторожного наблюдателя-повествователя из „Братьев Карамазовых“ Достоевского, где речь тоже идет об отцеубийстве и непристойных отношениях. Повествователю Достоевского, в противовес стандартам реализма, мастерски удастся одновременно фиксировать события провинциальной жизни и проникать в ход мыслей персонажей. Критики отмечали, что Достоевский использует этот художественный прием с присущим ему „многоголосием“, в частности для того, чтобы смягчить негативный отклик на идейный посыл романа. Необходимость такого наблюдателя-повествователя более остра в „Братьях Карамазовых“, чем в „Неприятности“, и любые сравнения между этими романами несоизмеримы: метафизический эпос Достоевского безусловно существует в плоскости, гораздо более монументальной, чем хрупкий роман Моррисона...»⁴²

Седрик мечтает уехать из города куда-нибудь «далеко-далеко, в волшебную страну» и одновременно боится перемен, что напоминает стремление Илюши покинуть Скотопригоньевск. Существует мнение, что заключительная сцена «Неприятности» Моррисона походит на сцену в «Братьях Карамазовых», в которой Илюша умоляет отца уехать в другой город: «в хороший... город, где про нас и не знают» (14, 189).

Молодой новозеландский писатель Карл Шукер (р. 1974) признавался, что «Записки из подполья» и «Преступление и наказание» Достоевского нашли некоторое отражение в его нигилистическом романе «The Lazy Boys» («Ленивые ребята»). Этой книге присущи типичные черты субкультуры и трансгрессивной литературы, характерной для поколения икс (Generation X).

Еще один представитель молодого поколения новозеландских литераторов — Чэд Тэйлор (р. 1964), прозу которого сравнивают с произведениями Достоевского. «Oxford History of New Zealand Literature» («Оксфордская история литературы Новой Зеландии») называет Чэда «автором бескомпромиссного современного короткого рассказа, который описывает мимолетность и изменчивость городской жизни» и ведет повествование зачастую от имени ненадежных и непривлекательных персонажей. Чэд рассказал мне, что впервые он прочитал книги Достоевского в конце 1980-х гг., когда работал над своими первыми романами «Heaven» («Рай», 1994), «Pack of Lies» («Сплошная ложь», 1994) и короткими рассказами «The Man Who Wasn't Feeling Himself» («Человек, которому было не по себе», 1995). В тот период Чэд читал «Идиота»

⁴² Richards I. Predicament in context // <http://nofrillsnzlit.angelfire.com/index.html>

и «Братьев Карамазовых». Последний «показался мне грустной книгой. У читателя надолго остается ощущение печали и потери. Особое восхищение у меня вызвала способность писателя с уверенностью создавать персонажей, которые воспринимаются (или кажутся) ненадежными. „Братья Карамазовы“ всегда напоминают мне Пола Остера, с его трагичностью и мрачным юмором. Мне такой стиль близок, как новозеландцу: „действие — это герои, а герои — это действие“». Достоевский писал отличную прозу. Как можно оставаться незатронутым ею?»⁴³ Касаясь религиозного содержания творчества Достоевского, Тэйлор признается, что в его романе «Departure Lounge» («Зал отправления», 2005) присутствует «духовный аспект; „Heaven“ („Рай“, 1994. — *И. 3.*) и „The Church of John Coltrane“ („Церковь Джона Колтрейна“, 2009. — *И. 3.*) имеют такие названия не случайно. Вера и случай зачастую находятся не столь далеко друг от друга. А случай — залог драмы. Идея сама по себе ничего не стоит без повествования. История — просто рассказ. А у хорошего рассказа должна быть концовка»⁴⁴.

Важным аспектом популярности Достоевского в Новой Зеландии является также интерес к его творчеству со стороны богословов, христианских священнослужителей и студентов, занимающихся изучением взаимодействия теологии и культуры.

Русская православная церковь в Веллингтоне существовала много лет благодаря усилиям иеромонаха-новозеландца Амвросия (Муни). Его первое соприкосновение с русским православием произошло в начале учебы на русском отделении Университета королевы Виктории. До этого, во время учебы в школе Святого Иоанна в Гастингсе, он был католиком. Автор настоящей статьи до сих пор помнит написанные молодым студентом Бернардом Муни проницательные исследования религиозных мотивов в русской литературе, в том числе в произведениях Достоевского. После окончания курса Муни совершил паломничество на Афон и был принят в насельники монастыря Святого Пантелеймона. Позже он принял имя Амврозий в память о старце Амвросии из Оптиной пустыни, которого увековечил Достоевский в образе старца Зосимы из «Братьев Карамазовых». Муни учился за рубежом, получил посвящение в сан и, наконец, вернулся в Веллингтон, где начал пастырское служение в Русской православной церкви с именем Амвросия после того, как в 1980 г. ушел к жизни на спокойное преподобный Алексей Годяев. От своего предшественника он принял служение в трех новозеландских приходах. Несмотря на ухудшение состояния здоровья, уже отойдя от службы, он продолжал совершать богослужения, в частности на похоронах бывших прихожан.

Еще одним новозеландцем, обратившимся в православие благодаря любви к русской культуре, включая Достоевского, был Гарольд

⁴³ Электронное письмо Чэда Тэйлора автору статьи от 1 января 2013 г.

⁴⁴ Электронное письмо Чэда Тэйлора автору статьи. 2 января 2013 г.

Вильямс (1876–1928). Готовившийся некогда к поприщу священника-методиста, он самостоятельно выучил русский язык и работал в России корреспондентом нескольких британских газет с 1904 по 1920 г. Его женой стала Ариадна Тыркова-Вильямс, принимавшая участие в основании российской конституционно-демократической партии (кадетов). Она была избрана в центральный комитет партии и в 1917 г. стала членом петроградской Думы, затем эмигрировала из Советской России. С 1921 по 1928 г. Г. Вильямс занимал пост редактора международного отдела газеты «Таймс» в Лондоне. В своей книге «Russia of the Russians» («Россия россиян») он называет Достоевского писателем, не принятым либеральной интеллигенцией и не без труда получившим признание спустя много лет после смерти. «Жизнь великих русских писателей — это непрерывное духовное становление. Нет ничего постоянного, абсолютного и устойчивого»⁴⁵. Вильямс полагает, что для русских писателей реальность «прозрачна»: «Очевидное предполагает наличие полутонов и незримого. То, что мы видим, побуждает устремлять взгляд ввысь и вдаль, за пределы доступного, к истине, возможно недосягаемой... И это не стремление к духовному совершенству, не философские искания, хотя работы Достоевского наполнены философским содержанием. Это скорее бесстрашный поиск открытий в безграничном пространстве Жизни — не только человеческого существования, но жизни во всех ее проявлениях. Это отказ, молчаливый или озвученный, признать ограничения или примириться с условными объяснениями, это жажда открытия необычных аспектов человеческой природы, познания сущности человека на самом деле, а не в формулировке законов и условностей... Для Толстого социальные и исторические ограничения представляли собой нечто стесняющее и подавляющее. Достоевский рассматривает ограничения как часть проблемы, той самой проблемы бесконечных проявлений добра и зла человеческой природы, которые постоянно преследуют его... К постоянному поиску великих русских писателей побуждает не только творческая любознательность, ими руководит глубокий моральный инстинкт, чувство изумления и благоговения перед жизнью. Они не были моралистами, они были художниками. Но их художественное восприятие жизни было по сути моральным, то есть имело цель и смысл, хотя смысл тоже может быть неуловимым и непостижимым. Однако сама эта непостижимость может быть привлекательна, а путь к ее познанию может лежать через темные тайны отрицания и греха. В любом случае, смысл жизни неотъемлем от самой жизни, его нельзя рассматривать отдельно от жизни. И возможно, именно эта настойчивая убежденность привела к тому, что величайшие русские мыслители — не просто философы, но романисты. Одержимость реальностью заставила их отбросить привычные карты и расчеты и отправиться в свободное плавание по просторам

⁴⁵ *Williams H. W. Russia of the Russians. London; New York, 1916. P. 129, 178.*

проблемы жизни. Ведомые творческой интуицией, они достигли намного более правдивого отражения реальности, чем могли дать любые диалектические теории»⁴⁶.

Интерес к творчеству Достоевского со стороны священников пресвитерианской деноминации представляет собой еще один важный аспект популярности писателя в Новой Зеландии.

Гельмут Г. Рекс (урожд. Рехбейн), профессор истории религии Богословского отделения в Нокс-колледже (Данидин) и университете Отаго, прибыл в Новую Зеландию как беженец из Германии. Обще-признано, что он стал фигурой «влиятельной и значимой среди новозеландских интеллектуалов»⁴⁷. В дополнение к своему трехгодичному учебному курсу истории Церкви он разработал также курсы по истории философии и истории литературы (в последнем значительное место занимал Достоевский).

Один из учеников Г. Рекса, Альберт Мур, впоследствии стал автором первого исследования религии в Новой Зеландии и первым преподавателем феноменологии религии в университете Отаго (1966–1992). Саймон Рае расшифровал конспект лекции Рекса о «Братьях Карамазовых», написанный Муром карандашом на обложке его томика переводов Констанции Гарнетт. Конспект включает в себя ряд точных характеристик произведений Достоевского: «Характеры героев Достоевского» запутанны, так как отражают жизнь в ее сложности и не совпадают с существующими нормами. Достоевский говорит устами братьев, все много говорят, его собственная биография — в скептицизме Ивана, в обращении в веру Алеши, в сладострастии Дмитрия (у Достоевского эпилепсия). Полностью раскрывается в Алеше, это его наиболее совершенный герой (а не Иван, как утверждают скептики). NB. Алеша — центр, вокруг которого раскрываются другие персонажи через общение с ним, где они слышат правду и могут открыто говорить. Таким образом, внимание на контакты с Алешей»⁴⁸.

Саймон Рае и Роберт М. Юл были однокурсниками на Богословском отделении в конце 1960-х гг. Рае стал директором Школы священнослужения (новое название Богословского отделения), а Юл в 2000–2002 гг. служил модератором пресвитерианской церкви. Во время учебы Рае опубликовал в студенческом теологическом журнале рецензию на книги Эдуарда Турнейсена о Достоевском⁴⁹, которая оказала влияние на теолога Карла Барта, а Юл опубликовал его первую работу о русской

⁴⁶ Ibid. P. 178–180.

⁴⁷ *Breward I. Helmut H. Rex // Dictionary of New Zealand Biography. Auckland, 2000. Vol. 5. P. 437.*

⁴⁸ Документы из личного архива Роберта М. Юла. Автор данной статьи благодарит Р. Юла за информацию о пресвитерианской церкви в Новой Зеландии. Архивы Г. Рекса и А. Мура можно найти в Центре информации пресвитерианской церкви Аотеароа, Нокс-колледж. <http://www.presbyterian.org.nz/archives>.

⁴⁹ *Rae S. H. Dostoevsky: A Theological Study // Commentary. 1966. P. 9–10.*

литературе — статью о Борисе Пастернаке — в ежегодном журнале Богословского отделения.

Итогом увлеченности Достоевским стали еще несколько статей Рае, которые он опубликовал до своего отъезда в Индонезию в 1972 г., но к творчеству писателя он снова вернулся после ухода на заслуженный отдых⁵⁰. В 2012 г. он прочитал в хронологическом порядке все романы, повести и короткие рассказы Достоевского, переведенные на английский язык, а также некоторые биографические и критические исследования о нем. Для Рае «понимание благодати, любви, добра, надежды обогащалось прозой Достоевского: Д<остоевский> считал себя реалистом, — его сюжеты зачастую были основаны на полицейских сводках, поэтому нежданная добродетель (а не проблема зла) требует отклика»⁵¹. Рае заметил, что в Школе священнослужения в течение года всегда находился хотя бы один студент, который проявлял интерес к творчеству Достоевского⁵².

После окончания аспирантуры в Эдинбургском университете Юл был назначен экуменическим священником Университета королевы Виктории в Веллингтоне. Актуальность творчества Достоевского в это тревожное время (1970-е гг.) роста радикализма в обществе, студенческих волнений, горячей полемики вокруг вопроса о существовании Бога и основах моральных ценностей Юл обосновал в выступлении на национальной конференции в университете Вайкато (Гамильтон) в 1975 г. В своем докладе «From Existentialism to Counter-Culture — The Anatomy of Disillusionment» («От экзистенциализма к контркультуре: анатомия разочарованности») Юл анализирует аргументы Достоевского в его критике рационализма, основываясь на «Записках из подполья», и указывает на потерю нравственных ориентиров в современной культуре Запада: от Ницше и Достоевского в XIX в. до европейских экзистенциалистов и приверженцев культуры андеграунда в XX в.⁵³

В 1973–1978 гг. Юл занимал пост секретаря новозеландского Общества изучения религии и коммунизма (Кестон-колледж) и выступил с инициативой открытия программы междисциплинарного христианского высшего образования, которая вызвала большой интерес университетской общественности. Его лекция о Достоевском «Numbered with the Transgressors: Dostoevsky's Image of Christ» («Причисленный к нарушителям: Образ Христа у Достоевского») вошла в сборник статей

⁵⁰ Rae S. H. Dostoevsky and the Christian Hope // Colloquium: The Australian and New Zealand Theological Review. 1967. October. Vol. 2 (3). P. 250–254; Rae S. H. Three Novelists and the Question of God // The Evangelical Quarterly. 1968. Vol. 40 (4). P. 224–235; Rae S. H. Dostoevsky and the Theological Revolution in the West // The Russian Review. 1970. Vol. 29 (1). P. 74–80.

⁵¹ Письмо Р. Юла от 12 февраля 2013 г. Материалы личного архива автора.

⁵² Там же.

⁵³ Horton C. W., Guy D. M. (eds.) Values Education: Proceedings of the University Extension Seminar. 1975. May 19–22. Hamilton, 1977. P. 139–157.

об отражении христианства в художественной литературе. В этой статье он не только рассматривает поединок между верой и «сомнениями», который происходил в душе Достоевского, но и анализирует изменение видения Достоевским Христа, в частности, различие между тем, что Юл назвал «первой» и «второй» «христологической исповедью», с примерами из автобиографических публикаций и романов писателя⁵⁴.

Свое служение Юл завершил на посту настоятеля пресвитерианской церкви Грейфраерс в Окленде. После смерти Александра Солженицына (3 августа 2008 г.) Юл был, пожалуй, единственным священнослужителем в Новой Зеландии, проводшим панихиду в память об усопшем русском диссиденте и писателе. Юл сравнивал Солженицына с Достоевским, подметив, что художественная проза обоих писателей носит более глубокий и универсальный характер, чем их публицистика⁵⁵. Статьи Рае и Юла, в свою очередь, оказали влияние на студента Стюарта Г. Вогела, готовившегося стать пресвитерианским священнослужителем. Вогел написал диссертацию на Богословском отделении «Образ Христа в романе Достоевского „Идиот“» (1982). Вогел изучал русский язык в университете Кентерберри, в 1977 г. посетил Ново-Валаамский православный монастырь в Финляндии, а в 1984 г. в составе делегации Новозеландского национального совета вероисповеданий побывал в Советском Союзе. Он нашел занимательным литературный портрет Христа, написанный Достоевским, в противовес интеллектуальным и рациональным подходам западных теологов.

Как и Рае, Вогел служил в Азии, многолетний клерикальный опыт службы на Тайване пригодился ему на посту советника по делам Азии пресвитерианской церкви Новой Зеландии. Но по возвращении в Новую Зеландию он служил священником в университете Окленда (1991–1995), где «стремление к равновесию между интеллектом и искусством в изображении веры» побудило его к формированию дискуссии о советском кинематографе, прослеживающей влияние Достоевского. По мнению Вогела, «Покаяние» Тенгиза Абуладзе (1984) использует темы из «Идиота», а «Баллада о солдате» Григория Чухрая (1959) перекликается с тем, как изображает страдания человека Достоевский.

Преподобный Ллойд Гиеринг, занимавший пост профессора кафедры религии Университета королевы Виктории в Веллингтоне (1971–1983), был признан ведущим теологом Новой Зеландии. В 1967 г. он подвергся жестокой критике за еретическое отрицание анатомического воскрешения Христа, но впоследствии был оправдан; затем он стал деканом Богословского отделения. Гиеринг часто квалифицируется как «религиозный

⁵⁴ Yule R. M. (ed.) From Dante to Solzhenitsyn: Essays on Christianity and Literature. Wellington, 1978. P. 111–138. Нами опубликована в этом же сборнике статья о Солженицыне «Solzhenitsyn and the Russian Tradition» (с. 251–274).

⁵⁵ Yule R. M. 1) The Oak and the Calf: A Tribute to Alexander Solzhenitsyn // Challenge Weekly. 2008. Vol. 66 (31). P. 2; 2) Solzhenitsyn Remembered // Day Star. Auckland, 2008. Vol. 8 (8). P. 33–34.

атеист»⁵⁶. В 2007 г. о нем был создан документальный фильм «The Last Western Heretic» («Последний еретик Запада»), в котором Гиеринг объясняет свое мировоззрение: Бог — это концепция, а не индивидуальность, жизни после смерти нет, в Библии возможны ошибки, Иисус был обычным человеком, а не божеством, фундаментализм имеет опасные тенденции, забота об окружающей среде — это этическая обязанность каждого.

В своих исследованиях Гиеринг затрагивает произведения и темы Достоевского. В статье «The Greening of Christianity» («Озеленение христианства») убежденность Достоевского (и Ницше) в том, что падение веры в Бога приведет к моральному нигилизму, получает оценку Гиеринга: «Ничего подобного!»⁵⁷. Точка зрения Гиеринга диаметрально противоположна воззрениям Достоевского, которые нашли поддержку в академической среде Новой Зеландии в период, когда Гиеринг был привлечен к суду как еретик. Поддержкой его точке зрения стала книга Гельмута Рекса «Действительно ли воскрес Христос?», которую он успел закончить незадолго до своей кончины⁵⁸. Рекс отмечает, что безжалостная секуляризация (которая является темой многих последующих публикаций Гиеринга) «не остановилась даже перед концепцией воскрешения из мертвых Иисуса христианским Богом»⁵⁹. Лишив человечество божественного, секуляризация оставила простым смертным мир, в котором воскресший сын Божий и сам Бог — просто «чужие». Рекс высказывает предложение рассматривать секуляризацию по Достоевскому — как утверждение гордого и волевого неповиновения человека:

«В земном мире господствующего человечества не берем ли мы на себя роль Великого инквизитора по Достоевскому? Так же как Великий инквизитор в своей церкви не допустил вмешательства Христа, отдавшего за людей жизнь свою, должны ли мы закрыть доступ в мир, лишенный божественного, неподвластному смерти Иисусу и его Богу, восклицая: „Зачем же ты пришел нам мешать?“»⁶⁰

Противоречие *pro et contra*, обозначенное Достоевским, продолжает находить отголоски в сознании людей, заставляя их снова ставить вопрос о необходимости веры, примиренной с доводами разума.

⁵⁶ Pelly R., Stuart P. (eds.). *A Religious Atheist? Critical Essays on the Work of Lloyd Geering*. Dunedin, 2006.

⁵⁷ Geering L. *The Greening of Christianity*. Wellington, 2005. P. 24; Geering L. *The Changing Moral Imperative — Ethics without God*. Address to National Conference of Sea of Faith in Australia. 18 October 2010 // http://www.sof-in-australia.org/blog.php?blog_id=744

⁵⁸ Rex H. H. *Did Jesus rise from the Dead?* Auckland, 1967.

⁵⁹ Ibid. P. 82.

⁶⁰ Ibid. P. 82–83.